

ИМПЕРА
ТРАЙС

КАРТА
БОЛИ

К
В
Е
С
Т

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Импера Трайс

Квест. Карта боли

Серия «Правила масок», книга 2

<https://litres.ru/74066261>

SelfPub; 2026

Аннотация

Яра

Я думала, что нашла настоящую любовь, а оказалось - встретила смерть. Он забрал мой дом. Он забрал мою личность. Он забрал мою сестру - Афину. И продолжает отнимать там, где уже нечего брать. Он говорит, что я принадлежу ему целиком, и что не остановится, пока не выжжет из меня волю, оставив только тягу к нему. Самое страшное - я боюсь, что у него почти получилось. Я не рухнула окончательно только ради сестры. Но смогу ли спасти её, если мне самой давно пора спастись?

Афина

Я думала, что сумела сбежать. От разрушенной репутации, от гнёта отца, от грязных тайн прошлого. Но старые секреты дышат в спину, а новые угрожают поглотить с головой. Мне некуда сбежать и нельзя раскрыться – иначе пострадает сестра. Единственная надежда – мой похититель, но не ошибусь ли я?

Содержание

Дисклеймер	4
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	29

Импера Трайс

Квест. Карта боли

Дисклеймер

Приветствую, дорогие читатели! Если вы здесь – скорее всего, уже прочитали «Квест. Страх или страсть». Если не прочитали – не страшно, эта книга вполне самостоятельна. Но я всё же рекомендую увидеть приквел.

•

Если вы только знакомитесь со мной, как с автором, предупреждаю – я обожаю мучать читателя. Поэтому заранее размещаю список возможных триггеров, чтобы вы были готовы:

- Манипуляции, шантаж, психическое насилие.
- Сексуальное насилие, нон-кон (отсутствие согласия), даб-кон (сомнительное согласие).
- Подробные сексуальные сцены.
- Отношения с психопатом.
- Ненависть отца к дочери.

- Похищение/плен.
- Убийство.
-

Внимание! Автор не романтизирует всё, что перечислил. Он просто рассказывает историю такой, какая она есть. Ещё не поздно закрыть эту книгу и сберечь своё душевное здоровье. А если вы остаётесь – приготовьте две большие ёмкости. В одну мы будем плакать, в другую – течь.

Посвящение:

Каждой красавице, что грезит о чудовище.

Глава 1

Афина

Изабелла. Мама. Мамочка.

Она остаётся для меня главной женщиной даже после смерти. Я горда быть её точной копией. Такой же блондинкой с голубыми глазами. Такой же несчастной и нелюбимой. Мама никогда не делилась болью, ведь я была слишком мала для этого. Но я чувствовала. Понимала. И не спрашивала. А потом стало слишком поздно о чём-то спрашивать. И поздно рассказывать о своём.

Просовываю пальцы в приоткрытую молнию зип-худи, касаюсь маленькой золотой подковы на шее. Единственное, что осталось от матери. Отец уничтожил все её вещи, запрещая сохранять хоть какую-то память. Ещё при жизни Дик был одержим идеей о том, что мама изменяет. А её трагическая кончина в пожаре на конюшне только подтвердила гипотезы отца. Во время разбора пепелища мамин обгоревший труп нашли сплетённый с другим трупом, мужским. Они настолько крепко прилипли друг к другу, что их не смогли разъединить, так и похоронили вместе. Этот человек был мужчиной и остался неопознанным – никто на нашем маленьком ост-

рове не обратился в полицию с заявлением о пропаже человека. Папа был уверен, что вторые останки принадлежат не кому иному, а маминому любовнику. И с яростью похоронил всё, что напоминало о ней. Подвеска – единственное, что мне удалось украсть, и что не решалась носить. Но сегодня я впервые надела её, как талисман, как надежду на мамину защиту с того света. Более того – это единственное, что беру с собой, сбегая из дома навсегда.

Крепко сжимаю в руке телефон, ожидая сигнала от Яры. Моя двоюродная сестра и её новый бойфренд Киллиан уже едут, чтобы помочь в побеге. А пока жду, окидываю последним взглядом свою комнату. Мне не грустно, не тоскливо расставаться с домом. Только немного страшно. Это место не дорого сердцу, оно насквозь пропитано и отравлено болью. Моей – особенно.

Мама погибла в адском пламени, а я продолжала гореть заживо. Отец капитально озверел в обиде, которую ежедневно вымещал на мне. Я виновата в том, что похожа на мать внешне. Виновата в том, что меня нельзя уничтожить, как вещи и воспоминания. Он истязал оскорблениями, запер в доме, как в тюрьме и казалось, хуже быть не может. Но нет, всё таки смогло.

В день своего восемнадцатилетия я впервые решила ти-

хо протестовать концлагерю. Впервые решилась сбежать из дома. Ненадолго, всего на одну ночь. Всего лишь в клуб, куда меня никогда не отпускали. Всего лишь потанцевать, расслабиться, отметить свой праздник. Поздней ночью перелезла через забор по оплетающему его винограднику и пустилась бегом к ближайшему (и единственному на нашем острове) увеселительному заведению. Я была всего лишь глупой девчонкой, которая хочет проводить время, как сверстники: развлекаться, танцевать, отдыхать. Делать то, что мне никогда не разрешали. До сих пор думаю, что главной ошибкой было не сбежать, а не попросить сестру составить компанию. Яра старше и умнее, если бы она присмотрела, всё окончилось не так трагично. Но в тот день у неё были разборки с бывшим, а я не хотела ждать.

В клубе села за стойку бармена и принялась читать карту напитков, намереваясь впервые попробовать алкоголь. И тут меня угостили. Кто – не знала, да и в тот момент было наплевать, ведь я собралась веселиться. И перспектива сделать это за чужой счёт не казалась опасной. Поэтому с огромным воодушевлением влила в себя подаренный коктейль, вкус которого запомнился на всю жизнь. Иисусе, каким же наивным ребёнком я была! Но откуда мне было знать, что таким способом могут опоить? Откуда мне, человеку, которого отец фанатично прятал от внешнего мира и его законов, было знать о таком? Правильный ответ – ниоткуда.

Через пять минут накрыла приятная эйфория. Ещё через пять тело расслабилось, стало мягким, как слайм. Мозг тоже. Я даже не задумывалась о том, что происходит что-то опасное. Просто соскользнула со стула и доплелась до ближайшего свободного диванчика, потому что сильно хотелось прилечь. А дальше я ничего не помню. Но люди, которые сделали это со мной, обо всём позаботились. Меня нашли на рассвете, выброшенную на обочине дороги, с вывернутой из платья грудью. Позвонили моему отцу, чтобы забрал. Дальше – тяжёлое пробуждение, болезненное похмелье и побои. Даже это было не самым страшным, оно ещё ждало впереди.

Уже к полудню по местным соцсетям со скоростью вируса распространялось видео. Я в маленьком помещении с закопчёнными стенами, распластанная на журнальном столике. И в тотальной химической отключке. Несколько мужчин в балаклавах над моим телом и все, до единого, дрончат на него. Они трогают везде, но крупным планом в кадр попала только обнажённая грудь. И головка члена, продырявленная кольцом пирсинга с шариком, в котором утоплен прозрачный камень. Ублюдок отчаянно водил ей по моим губам, пытался разжать челюсть и запихнуть в рот. Но я была настолько обмякшей, что у него не получалось обойти мои зубы. В итоге все дружно передёрнули с окончанием на лицо. Не знаю, почему ограничились только этим. Но от фак-

та, что моя девственность осталась нетронутой, легче не стало. Омерзения не убавилось. Я пережила насилие от толпы неизвестных мужчин.

А затем – от населения всего острова во главе с собственным отцом, который кидал в меня самые большие камни. Маленькая шлюшка сбежала из дома, чтобы надраться и найти приключений с толпой членов. И ей это удалось. Все, кроме сестры, обвинили меня в том, что произошло. И никто – толпу мудаков, которые воспользовались глупой беззащитной девчонкой. Вот такое наше общество. В насилии всегда виновата только жертва.

И в моём случае насилие продолжалось. Дик ответственно истязал меня в течение года, ежедневно напоминая о событии, которое хотела забыть. А теперь решил произвести контрольный выстрел в голову и отдать замуж. За левого человека, которого я не знаю. И который, в свою очередь, не знает о скандале вокруг моего имени. Некий Коул Креста выгодная партия, ведь он хозяин курортного острова Солейл. Знаю, это попытка отца одновременно заключить выгодную сделку и подписать мне смертный приговор. Потому что если жениха выбрал он – значит жених стопроцентный мудака.

Вибрация смартфона в руке слишком громкая и выразительная на фоне изнурительных мыслей. «Мы здесь. Беги.»

– светится на экране. Делаю глубокий вдох и молюсь своими словами:

«Пусть всё останется в этой грёбаной комнате, в этом проклятом доме. Селфхарм, страшные идеи, от которых спасали только любовь и забота сестры. Моё разрушенное «Я», сгубленная репутация, дни и недели, прожитые в психоэмоциональном насилии. Всё останется и сгниёт здесь. Ничего не возьму с собой. Ничего из этого больше не моё. Клянись!»

Пихаю телефон в карман и покидаю через окно свой персональный ад.

Глава 2

Афина

Там, где ночное небо сплелось с океаном в единое целое. Посреди непроглядной синей тьмы я, Афина Капелли. Стараюсь затеряться, словно капля в водопаде, стараюсь и сама превратиться в тьму, стереться с лица земли. Лишь для того, чтобы получить шанс материализоваться из вакуума и жить, наконец.

Маленькая покатая яхта монотонно рассекает тёмную гладь океана. Я сижу на кожаном диванчике в открытой хвостовой части и наблюдаю за брызгами воды, с шумом выпрыгивающими из под корпуса судна. Затем вскидываю взгляд в небо, на движущиеся по кругу звёзды. На горизонт, пустой со всех четырёх сторон. А потом в углубление кокпита, на широкую спину высокого парня у штурвала яхты. Он везёт меня с родного острова Дюран на остров Синиструм, в проклятое место, раковую опухоль нашего архипелага. Она пропитана бандитизмом и всеми смертными грехами. Но это мой единственный шанс избежать навязанного замужества.

Обещала всё плохое оставить дома. Не вышло. Стоило увидеть, кто повезёт меня – внутренности перевернулись и

рухнули на самое дно живота. А виной всему проклятая балаклава на башке нелегального перевозчика. Взойти на судно к человеку с таким аксессуаром ощущается, как залезть в клетку к тигру. Да что уж там, как залезть в пасть к тиранозавру. Меня трясло, словно в лихорадке, и продолжает трясти. Стоит моргнуть – омерзительные диафильмы из прошлого сами проигрываются в сознании. От горьких воспоминаний начинает подташнивать, и я кладу голову на прохладный бортик яхты, прикрывая глаза.

– Тебе плохо? Укачало? – раздаётся обеспокоенный мужской голос совсем близко.

Оборачиваюсь и вижу прозрачные глаза в разрезе балаклавы. Они мерцают, повторяя луну на небосводе и отвлекая от цельного облика парня. Как же я ненавижу эти ебучие балаклавы, кто бы знал! Но Киллиан, новый парень Яры сказал, что все нелегальные водные таксисты прячут свои лица. Киллиан и устроил мой побег.

Я доверяю сестре.

Сестра доверяет Киллиану.

Киллиан доверяет перевозчику.

Значит и я должна.

– Да, наверное, немного укачало. – несмело отвечаю пар-

ню, полностью облачённому в чёрное, от макушки до пят.

Лишь его глаза предельно светлые на этом фоне. Он рассматривает меня с таким глубоким интересом, что становится слегка не по себе. А когда поднимает ладонь и прижимает её к моему лбу, будто проверяя температуру тела, вообще теряюсь на секунду. Парень быстро скрывается в кокпит, а затем возвращается с термосом и наливает в его крышку густое тёмное содержимое.

– Сладкий чай с мятой. Выпей, полегчает. – ласково вкладывает в мою ладонь импровизированную кружку.

– А ты не опоишь меня какой-нибудь дрянью? – с недоверием спрашиваю и осторожно вдыхаю аромат напитка.

Пахнет и правда чаем. Судя по всему, очень вкусным. В прозрачном взгляде напротив мелькает чистое изумление. Я даже замечаю, как брови лезут на лоб под балаклавой. А затем – искренняя ирония. Невольно проваливаюсь в этот взгляд – несмотря на то, что лицо парня скрыто, глаза слишком ярко транслируют его реакции.

– Я не из таких. И мне поручили оберегать тебя. – серьёзно произносит, не отрывая взгляда.

Странное смущение заставляет разорвать зрительный

контакт. Делаю осторожный глоток чая – и правда, ожидания не обманули. Чертовски вкусный и насыщенный. Парень возвращается за штурвал, а я рассматриваю его широкую мышечную спину, обтянутую тонкой синтетикой. Смогу ли я когда-нибудь доверять мужчинам? Сомневаюсь. Пока все мужчины дарили только зло. И больше всего то, что в эту касту с двух ног залетел даже собственный отец.

Чашка быстро и незаметно опустела. Я вроде бы не валяюсь без сознания на дне палубы. И даже действительно стало как-то полегче, спокойнее. Отворачиваюсь к бортику и играюсь с брызгами, стараясь поймать их пальцами. Но яхта резко теряет скорость, а сильные руки подхватывают сзади и волокут в кокпит.

– Эй! Ты оборз... – вскрик глушит ладонь, прижатая ко рту, и мы оба обрушиваемся на пол у стены рядом с приборной панелью.

– Тс-с-с! – шепчет на ухо перевозчик, притягивая спиной к своей груди и зажимая между ног, – Веди себя тихо. Рядом судно пиратов с Синиструма. Нельзя, чтобы они заметили, какой интересный груз я везу.

Тихонько киваю, парень убирает ладонь от губ и прижимает к себе, склоняется плечами, натягивая их надо мной, как защитный купол. Словно коршун раскидывает крылья

над своими птенцами. Судно с заглушенным мотором дрейфует по течению, едва покачиваясь на волнах. А наше сбившееся, рваное дыхание слишком громко звучит в тесном пространстве кокпита. Спина покрывается мурашками от ощущения мужской груди, тяжело вздымающейся и упёртой в спину. Но когда он протягивает руку и осторожно заправляет мне за ухо прядь выбившихся волос, пол начинает качаться вовсе не от волн за бортом.

– Эй, ты что делаешь? – хрипло, еле слышно шепчу.

– Прости, сложно удержаться, от тебя слишком вкусно пахнет. – шепчет на ухо и утыкается носом в волосы.

Его грудь раздувается и увеличивается – действительно вдыхает мой запах глубоко, как токсикоман, припавший к мешку с суперклеем. А эффект почему-то настигает меня и перед глазами приятно темнеет.

– Дурак что-ли? Отпусти! – шепчу с дурной полуулыбкой.

– Подожди, они ещё не скрылись. – осторожно отклоняется, выглядывая из кокпита, и снова утыкается носом в макушку.

– Как тебя зовут? – неожиданно для себя решаю познакомиться.

Он отвечает не сразу, а после длительной паузы, посвя-

щённой всё тому же сеансу токсикомании:

– Константин. А тебя?

– Афина.

– Чудное имя. Очень тебе подходит, – вдохновлённо шепчет в волосы. – Потому что ты красива, как настоящая богиня. Именно поэтому я тебя и прячу.

Неловко смущаюсь, но всего несколько секунд. Наваждение безжалостно выметается новым ощущением – мне в бедро упирается что-то твёрдое, и оно находится между ног перевозчика. Страшная догадка о том, что это может быть, молниеносно отрезвляет.

– А ну-ка убрал от меня причиндал!

– Какой ещё причиндал? – удивлённо шепчет парень.

– Тот, который мне в зад уткнулся! – шиплю и дёргаюсь, пытаюсь высвободиться, но подлец лишь крепче сминает в объятиях.

– А, ты про мою пушку?

– Называй своего дружка, как хочешь, только убери его от меня-я-я! – истерично пишу, как это делают девушки, испугавшиеся внезапного таракана или мыши.

Парень усмехается, а затем просовывает между нами руку, вытягивает и кладёт рядом на пол реальную пушку. То

есть настоящий пистолет. Чёрный смертоносный глянец, в котором ярко отражаются серые блики луны. Удивительно, но оружие не пугает, наоборот. Вызывает желание прикоснуться, как что-то запретное, а от того жутко привлекательное. Смотрю на него, словно заколдованная.

– Константин, у тебя очень красивая...кхм...пушка.

Он сдавленно усмехается и размыкает ловушку из рук.

– Можешь быть свободна.

Я снова забиваюсь в хвост яхты и проверяю время. Час пути прошёл, а значит, пора вспомнить просьбу Киллиана и выбросить в океан мобильник. Пишу с него последнее сообщение для Яры: «У меня всё хорошо. Исполняю наставление твоего маньяка. До связи, спасибо вам обоим за всё.». Гладкий смартфон выскользывает из ладони и с тихим плеском уходит на дно. Так надо, чтобы отцу не за что было зацепиться и найти меня. Даже если он вынюхал про тайный мобильный, последний сигнал этого мобильного затеряется где-то между Дюраном и Синиструмом. Будто я утонула. Пусть думает, что это правда. Знаю, плакать не будет.

Смотрю на Константина, который периодически оборачивается и находит меня глазами, будто проверяя, не выпрыг-

нула ли за борт вслед за телефоном. Его глаза таинственно светятся, поглощая и отражая дрожащие блики на воде. Добрые и немного шальные глаза, с красивым лисьим разрезом, такие прозрачные. Интересно, какого они всё таки цвета? Хотя, какая разница? Ещё немного времени и он высадит меня на Синиструме. Больше мы никогда не увидимся.

Робкие лучики рассвета трогают небо, меняя оттенки с насыщенно-синих на серые. Катер движется чуть медленнее, покачиваясь, убаюкивая, и я начинаю клевать носом. Ещё бы, всю ночь без сна и в диком напряжении. Сдаюсь усталости, сворачиваюсь в клубок на кожаном диванчике и последнее, что чувствую, прежде чем провалиться в царство Морфея – уверенные руки, закутывающие меня в тёплый плед.

Глава 3

Афина

Уютное покачивание намекнуло, что мы ещё плывём, поэтому с удовольствием зацепилась обратно за сон. Но тело всё же среагировало на то, что оно висит в воздухе. Качают его руки, прижимающие к груди. И быстрые уверенные шаги человека, который меня несёт.

– Константин, мы приплыли? – сонно произношу и разлепляю веки.

– Ага! – с оптимизмом отвечает.

Его объятия и радостный тон чувствуются уютными, безопасными. Хочется просто упереться щекой в эту твёрдую грудь, закрыть глаза и продолжать спать. Еле уговариваю себя очнуться. Нехотя оглядываюсь, но чем дольше делаю это, тем больше хочется снова забыться сном. Желательно вечным.

Константин уверенно шагает по широкому причалу из светло-серого дерева. Нас встречает тропический пляж, сошедший то ли с открыток, то ли с рекламы батончика «Бантинги». Чистенький, причёсанный, с широкой береговой ли-

нией почти белоснежного песка, стройными рядами пальм и мини-кварталами небольших бунгало. Зонтики, шезлонги с мягкими матрасами и балдахинами аккуратными рядами украшают пространство. Нехорошее предчувствие тут же прогоняет остатки сна.

– Константин, ты уверен, что привёз меня на Синиструм? Не видела, но знаю, что там нет роскошной инфраструктуры. – несмело озвучиваю свои подозрения, и тут же в глаза утыкается огромный билборд, сверкающий над пляжем неоновыми огнями.

«Добро пожаловать на Солейл. Креста Индастриал желают вам приятного отдыха.»

– Константин, сучий ты потрох! Ты что натворил? – ошалело выкрикиваю.

Обычно я не матерюсь. Но сейчас, уверена, Иисус не осудит меня.

– Привёз к будущему мужу. – торжественно отвечает «сучий потрох», а его глаза сияют, не скромнее билборда.

Теперь вижу, что они светло-голубого цвета. Абсолютно идентичного моему.

– Ты рехнулся? Киллиан не об этом с тобой договаривался! – начинаю дёргаться и извиваться, но парень крепко держит и продолжает тащить к берегу.

А там уже ждут. Взрослая женщина и двое мужчин в чёрных костюмах и тех же проклятых балаклавах. Константин спускается с причала, ставит меня перед ними на песок. Он мягкий и податливый, как вата. Ноги моментально утопают.

– Дальше ваша работа. Прощай, Афина. – мягко подталкивает меня к людям и уходит.

Под звук удаляющихся по причалу шагов обречённо смотрю на встречающих. Мужские глаза в разрезах масок выражают бескомпромиссную строгость. Женщина же приветливо улыбается, словно встречает старую подругу. Мягкое лицо, покрытое изящными морщинками, обрамляют недлинные и слегка выющиеся каштановые волосы. Добрый светлый взгляд, расслабленная улыбка – она не выглядит, как потенциальный враг. Но определено является им.

– Добро пожаловать, дочка. Меня зовут Нонна. Я экономка синьора Коула, он поручил встретить тебя.

– Круто! Чего же сам не припёрся, раз я понадобилась ему так сильно, что заманил сюда обманом? – язвительно укалы-

ваю и тут же прикусываю язык, заметив под одеждой одного из мужчин скрытую кобуру.

– Он в отъезде. Но к свадьбе обязательно вернётся. Пойдем, ты наверняка устала с дороги.

Она уверенно берёт за руку и тянет за собой вглубь пляжа. Мужчины молчаливо сопровождают, а я не могу перестать оглядываться – кроме угловатого каменного Дюрана не видела других островов. Этот выглядит, как рай на земле, но его красота сейчас кажется кричащей, гипертрофированной и издевательской. А мой разум изо всех сил отказывается принимать внезапный поворот сюжета.

– Дайте позвонить! Сестра ждёт звонка от меня! – обречённо шепчу.

– Ты обязательно свяжешься с ней, позже.

До свадьбы тебе запрещено пользоваться связью. – голос Нонны мягкий, но звучит, как приговор.

«Кто? Кто подставил меня? Яра не могла так поступить, даже под дулом пистолета. Киллиан? Более вероятно, но какой в этом прок для него? Может, отец разнюхал наш коварный план и перехватил, подкупив Константина? Наиболее вероятно. Скорее всего, так и есть.»

Слёзы отчаяния медленно катятся по щекам, пока меня

усаживают в гольфкар и везут по живописным зелёным улочкам. Узкие и извилистые, но чистенькие, нарядные, как и пляж. Нонна молчит, участливо потирая по спине. Будто знает, что я не хотела здесь быть и оказалась обманута. Старается поддержать и меня, и жуткий план мужчин, которые вынудили оказаться здесь. Ебучий Константин, а я ведь почти поверила, что он добрый и безопасный! Ещё одна запись в личном списке мудаков. Забавно, что главными источниками моих бед всегда оказываются те, у кого есть член и яйца.

Через десять минут гольфкар подъезжает к высокой ограде из жёлтого камня. Кованые ворота распахиваются с помощью автоматики, и мы вкатываемся на территорию огромного поместья. Замечаю ещё пару охранников в балаклавах на въезде, оборачиваюсь на здание и глотаю возглас удивления. Я думала у нас с отцом большой дом, но этот – просто замок. Отделанный тем же жёлтым камнем, он показывается не сразу целиком, притаившись в густом тропическом саду с пальмами и лианами. Пока машинка странствует по территории, замечаю небольшой водопад с маленьким прозрачным озерцом – всё природного происхождения, но облагороженное. Удивительно живописное место. После серых картинок Дюрана это выглядит вычурно ярко. Каждый листик каждого дерева будто вручную вымыт и отполирован. Я настолько не привыкла к столь красочному видеоряду, что глаза буквально болят.

Наконец гольфкар отстанавливается у парадного входа в дом. Внутренний интерьер как лаконичная смесь природных мотивов: тёплый камень и дерево, панели из бамбука, высокие зелёные растения в плетёных кашпо. Нонна предлагает завтрак, но я отказываюсь. Тогда она провожает на второй этаж сначала по царственной лестнице, затем по широкому нескончаемому коридору, где распахивает одну из дверей:

– Спальня Коула. Он приказал, чтобы вы жили здесь с первого дня. Отдыхайте и осваивайтесь, Афина. Я всегда где-то рядом, только позовите.

Я не дожидаясь, пока дверь захлопнется, и закатываю глаза.

«Он приказал. Когда-нибудь это закончится? Мне всю жизнь приказывают. Скоро и ссать буду только с одобрения господина. В моей убогой жизни ничего не меняется. Только лица тех, кто управляет.»

Осматриваю спальню. Первое, что захватывает внимание – роскошная корзина из микса нежных розовых цветов на полу. Вижу открытку и любопытство моментально подталкивает прочитать её:

«Добро пожаловать на Солейл, прекрасное создание. Мы встретимся у алтаря через несколько дней, а пока отдыхай и осваивайся. Отнесись с пониманием к охране. Жду свадьбы с нетерпением, твой Коул Креста.»

Откладываю послание и возвращаюсь к изучению комнаты. Просторная, светлая, украшенная панорамными окнами и огромной постелью с высоким мягким изголовьем. Под потолком люстра, будто выполненная из кусочков морского стекла. Пара дверей смотрят друг на друга по разные стороны помещения. Открываю первую и ахаю – туалетная комната не меньше спальни. В центре, как главное украшение, гордо возвышается огромная ванная неправильной формы, высеченная из розового камня. Здесь же просторная душевая и туалетный стол со множеством шкафчиков. Любопытство подталкивает заглянуть внутрь – они забиты всем, что может пригодиться девушке. Фены, плойки, утюжки, добрый склад разнообразной косметики, от уходовой до декоративной. И даже средства гигиены для кровавых дней. Перехожу в другую комнату – ей оказывается гардеробная. Она чётко поделена на мужскую и женскую половины. И женская буквально ломится: одежда на все случаи жизни, обувь, сумочки, стенды с украшениями. Всё новое и с ценниками, каждый из которых ошеломляет брендом и суммой. Только на нижнем белье нет этих знаков – оно уже выстирано и готово к употреблению. Понимаю, что меня ждали и готовились

вот так, забывая пространство всем, что может пригодиться. Будто заранее знали, что попаду сюда без вещей. Но это перебор. Я не привыкла к роскоши. Хоть отец и богат, он никогда не баловал. У меня даже карманных денег не было, кроме тех, что подкидывала Яра.

Осторожно подхожу к мужской половине, надеясь прочитать информацию, которую вещи безмолвно расскажут о хозяине. И если в моей зоне буйство красок, кружев, перьев и страз, то эта весьма сдержанная. Приглушенные оттенки, простые формы, натуральные ткани, отсутствие заявки на кричащую дороговизну. Простое, но надёжное качество в рядах одинаковых футболок и рубашек. Жаль, по ним не прочитать, жирный ли мифический Коул Креста. Крупный – точно. Этого я боюсь больше всего, боюсь, что он окажется толстым обрюзгшим стариком, который будет принуждать к сексу. А меня секс не интересует, даже если его предложит сам Том Харди в свои лучшие годы. Жирный отвратный старик – и подавно.

Вот бы лечь на постель и от души прорыдаться над своей конченной жизнью. Но этих слёз было пролито уже так много, что я буквально досуха опустошена. И устала. Сон на яхте был слишком коротким. Поэтому договариваюсь с собой – сейчас поспать, а затем подумать, как сбежать отсюда. С удовольствием принимаю душ с предоставленной космети-

кой. С не меньшим удовольствием натягиваю новое бельё и шёлковую пижаму. Забираюсь в огромную постель под тяжёлое одеяло. Простыни хранят чужой запах, но стариком не тянет. Наоборот, аромат с оттенками тёплого дерева, замши и кофе. В нём сквозит что-то смутно знакомое, уютное. Не успеваю подумать об этом, как тяжелое одеяло делает своё дело, и я проваливаюсь в младенческий сон.

Глава 4

Афина

Я проснулась, когда дымчатые сумерки уже заволокли комнату. Занятно, но тело чувствует себя бодрее, чем обычно. Собранным, энергичным, будто апатия, преследующая последний год, на время отступила. Неудивительно, ведь на Солейле никто не знает Афины с порченной репутацией, грязную девку, не достойную и куска хлеба.

«Итак, обстановка на сегодня? Я бежала от Коула Креста, в итоге оказалась в его доме и постели. Нужно разработать новый план побега, а пока не привлекать внимания санитаров.»

Несмело выскальзываю из спальни, вот только Нонна словно умеет материализоваться из стен. Тут же обозначается рядом и приглашает в столовую на первый этаж. Там накрыт роскошный стол, будто я поросёнок и меня собираются откармливать на убой. Огромная запечённая индейка, рост-биф, несколько гарниров и салатов, гора воздушных панкейков, булочки в глазури, всё выглядит аппетитно и по-домашнему. Без раздумий сдаюсь этому шведскому столу, принимаюсь за еду. Нонна же сидит напротив, помешивая свой чай

и с теплотой наблюдая за трапезой. Редкие слуги словно призраки – показываются и в секунду растворяются. Но каждый успевает бросить на меня любопытный скрытый взгляд.

– Нонна, раз уж мы вместе, может расскажете о хозяине дома?

Её мягкое лицо трогает свет, будто речь зашла о ком-то особенном, родном для этой женщины.

– Я знаю Коула с рождения. – с нежностью отвечает, – Была его няней, теперь экономка. Он очень хороший человек, Афина. Порядочный, принципиальный. Вы будете отличной парой.

После столь хвалебной оды стесняюсь спросить, сколько ему лет. Да и другой червячок начинает точить ум. Когда Киллиан отправлял меня якобы на Синиструм, он упоминал, что за мной будет присматривать его няня. И вот теперь Нонна представляется няней, но для Коула. Это навевает один логичный вопрос:

– Подскажите, у хозяина есть братья или сёстры?

– Родных нет. – аккуратно отвечает собеседница и взглядом даёт понять, что больше информации по этой теме ждать не стоит.

Пот градом катится по спине. Смотрю в светлые глаза Нонны, она в мои. Электрическое напряжение растёт, как снежный ком. Еда перестаёт казаться вкусной сию секунду, откладываю вилку.

– Родители?

– Отец пропал без вести много лет назад. Из-за этого Коулу пришлось рано взрослеть и принимать на себя обязательства по развитию острова. А мать...обезумела после исчезновения мужа. И сбежала на Большую Землю, оставив сына самостоятельно барахтаться в новых заботах. Дальше её судьба неизвестна.

– Кажется у вашего босса непростая жизнь.

– Да, так и есть, Афина, – она протягивает руку и накрывает мою ладонь. – Но поверь, это нисколько не повлияло на Коула. Он хороший человек. Тебе не стоит бояться грядущего.

Глаза наполняются робкой влагой, внимательно смотрю на женщину, которая пытается меня обнадежить.

– Нонна, вы же в курсе, как я оказалась здесь. – тихо шепчу, – Что бы вы чувствовали, зная, что придётся выйти замуж за незнакомого человека?

Она вздыхает и смотрит на меня с необъяснимой теплотой. Будто я тоже, вместе с хозяином острова, родная ей.

– Я ни разу не была замужем, Афина. Не имела мужской защиты и покровительства. Лишь скрытно наблюдала за чужими историями. И знаешь, иногда лучше выйти замуж как ты, вслепую, нежели промотать земное время в одиночестве, без возможности прижать к груди собственных детей. – серьёзно отвечает.

Ужин окончательно испорчен. С грустью смотрю на тропический сад за окном. Мужская защита, покровительство – звучат для меня, как имена персонажей фэнтези. Что-то выдуманное, нереальное. И ни разу не знакомое.

– Можно я прогуляюсь? – спрашиваю, не отрываясь от окна.

– Конечно, Афина. Теперь это твой дом, ты вольна делать здесь всё, что захочешь.

«Всё, кроме уйти.» – горько усмехаюсь про себя и выхожу во двор прямо в пижаме. Ночь тёплая и ласковая, несмотря на позднюю осень. Всего два часа от Дюрана, а климат настолько отличается. Газон приятно шуршит под тапочками, и я углубляюсь в чрево сада. Здесь красиво даже ночью, потому что на деревья направлена разноцветная подсветка. Во-

допад с озером тоже сияют деликатными маячками. Но я не любоваться пришла. А исследовать забор на предмет плетущихся растений, помня домашние побеги по винограднику. И я нахожу. Вместо винограда правда лиана, гладкая, глянцева, сложнее зацепиться и удержаться. А забор трёхметровый и на кону целостность моего позвоночника. Но я решаю рискнуть. Оглядываюсь, убеждаюсь, что хорошо скрыта буйной растительностью. Хватаюсь за шаткие стволы и карабкаюсь наверх. Тапочки быстро соскальзывают на газон, но так даже удобнее. Цепляюсь, еле удерживая равновесие, подтягиваюсь и наконец, хватаюсь за шершавую верхушку забора. Её ширина всего лишь с ладонь. Осторожно выглядываю наружу – а вот там растительности нет. Придётся прыгать. Осторожно переваливаюсь через край, повисаю на вытянутых руках и нащупываю ногами пустоту.

– Давай помогу! – раздаётся мужской голос снизу, а чужие руки смыкаются на талии.

От неожиданности вскрикиваю, отпускаю забор и обрушиваюсь прямым на таинственного помощника, лихорадочно оглядываясь.

*Сильные объятия рук в чёрной синтетической кофте.
Знакомые лисьи глаза в разрезе балаклавы.*

– Константин! – взвизгиваю и пячусь по траве, а он зали-
висто смеётся. – Ты что здесь забыл?

– Работаю.

– В смысле? Ты же перевозчик! Твоя работа в океане.

– И здесь, ловить беглянок, – отвечает с нескрываемой
иронией в глазах и тянется к моим волосам, вытягивая за-
стрявшую соринку. – Считаю, я местный секьюрити.

– Ах, секьюрити?! А я ненароком в мудаки тебя записала!
– с раздражением отряхиваю пижаму и складываю руки на
груди замком.

Константин ложится на траву и раздражается таким гром-
ким хохотом, что мне приходится броситься к нему и на-
крыть рот через балаклаву.

– Тише ты! Нас услышат!

– И что с того? – убирает мою руку и задерживает в своей
чуть дольше, чем следовало бы.

– Помоги мне бежать. Я не хочу замуж! – шёпотом объ-
ясняюсь.

Но Константин отрицательно качает головой и садится.

– Ты просишь меня совершить преступление против Ко-
ула Креста. Не могу.

– Его тоже записываю в список мудаков, рядом с твоим

именем. – ядовито шепчу и поднимаюсь на ноги, а он бросает взгляд на мои голые ступни.

– Ноги поранишь.

Снова взвизгиваю оттого, что он уверенно набрасывается на меня и закидывает на плечо. Несёт прямиком к парадным воротам пока, не стесняясь, колочу его по широкой спине.

– Отпусти! Сделай вид, что ты не заметил меня, умоляю!

Не знаю, это попытка успокоить или что-то другое. Но Константин уверенно проходится ладонью по моему бёдру, снизу-вверх. Секундное движение, а я притихаю. Прислушиваюсь к тому, как странно откликается тело. Кожа под его пальцами будто горит, а тепло из груди густым мёдом течёт в низ живота. Сцена наших объятий на полу кокпита вламывается в сознание без спросу, и я шумно глотаю слюну. Уже ненавижу себя за то, как легко он отнимает моё самообладание.

Константин же беспристрастно двигается к цели. Охранники открывают ему путь ещё до того, как достиг ворот. Невыносимо долгие шаги до крыльца. И когда ставит меня на пол в гостиной, я уже и рада поскорее избавиться от него и странного волнения, которое вызывает.

– Заплутала немного! – Константин подмигивает Нонне и уходит прочь.

Она же смотрит на эту сцену, как добрый родитель, который умиляется детской шалости.

– Кто этот парень? – растеряно спрашиваю, провожая взглядом широкую спину.

– Местный, наш. Давай покажу тебе дом? – вежливо предлагает, но чувствую её желание скорее сменить тему.

Закатываю глаза и всё же соглашаюсь. Побег сегодня вряд ли удастся, так хоть чем-нибудь займу время. Мы странствуем по огромному дворцу не менее часа: спортзал, миллиардная, банный комплекс с хаммамом и бассейном, конференц-зал, рабочий кабинет в духе кинофильмов о богатых мафиози. В нём, напротив рабочего стола, я встречаю портрет Креста-старшего и надолго погружаюсь в черты лица мужчины. Вот кому точно не суждено было стать обрюзгшим стариком, сколько бы лет не исполнилось. В его внешности чувствуется стержень, аристократичная вышколенность, стать. Но особо цепляет взгляд – предельно человеческий, живой до мурашек. В глазах читается молчаливая боль – припылённая, изъеденная временем, но всё ещё живая. И как будто не чужая. Моя. Это так трогает сердце, что долго не могу оторваться от портрета.

– Как его звали? – тихо спрашиваю у Нонны.

– Киро. Киро Кирино Креста. – отвечает с придыханием, будто произносит имя святого.

Мы ещё немного молчаливо смотрим на прошлого хозяина Солейла и следуем дальше. Последняя комната, которую показывает Нонна – огромный тир с истерзанными мишенями и стендом огнестрельного оружия, который занимает целую стену. Чего тут только нет – пистолеты, автоматы, ружья, обрезы, узи и куча других пушек, названий которых я не знаю. Первобытный страх сковывает по рукам и ногам, пока разглядываю смертоносный склад.

– Нонна, зачем ему столько? – шепотом спрашиваю, не отрывая взгляда от стволов всех калибров.

– Хобби. – она говорит об этом, как о чём-то обыденном, словно мифический Коул Креста вышивает крестиком, а не упражняется в тире с пушками.

«Уже представляю, как он гоняется за мной по всему дому и стреляет по ногам за то, что отказала в близости. Жуть!»

Дом погружается в гипноз поздней ночи, будто замирая. Подсветка глуше, атмосфера тише, глаза Нонны тускнеют от накопленной за день усталости. Отпускаю её отдыхать и воз-

вращаюсь в спальню, меняю испорченную лазанием через забор пижаму. Удивительно, как работает смена климата или стресс – стоит мне прилечь на кровать, как веки моментально слипаются. Лишь сновидения сегодня яркие, как картины в калейдоскопе.

Эпизод из моего детства. Один из самых светлых и дорогих сердцу – берег океана и тёплые гольшии гальки, которые пытаюсь сложить в стену импровизированного замка.

– Давай вместе!

Черноволосый взрослый мальчик, почти подросток, внезапно присоединяется к игре. Подбирает и подаёт самые удобные камешки, выпрямляет покосившиеся стены. Иногда они всё равно обваливаются. И тогда мы начинаем всё сначала. Почти не разговариваем, но трудимся слаженно, как настоящая команда. Я так и не додумалась узнать его имя, о чём до сих пор жалею. Впрочем, и он моего не спросил.

Замок получился почти с мой рост высотой. И после того, как я поблагодарила мальчика за помощь, он испарился, словно призрак. Будто не существовал, а я сама его придумала.

Только наше совместное творение намекало, что всё бы-

ло реальным.